

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

СЛАДКОЕ ЯБЛОКО РАЗДОРА

Колычев. Лучшая криминальная драма

Владимир Колычев

Сладкое яблоко раздора

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Сладкое яблоко раздора / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2023 — (Колычев. Лучшая криминальная драма)

ISBN 978-5-04-185956-5

В небольшом приволжском городке убит председатель профкома крупного комбината Юрий Трутов. Следствие, возглавляемое подполковником полиции Артемом Малаховым, считает, что убийство могло быть заказано женой Трутова. Незадолго до этого он продал контрольный пакет акций крупного южного санатория и хранил деньги на счету семьи. Под подозрением также оказалась и любовница погибшего, Ева, сестра местных криминальных авторитетов. Возможно, это был ее ответ на неразделенные чувства... Подполковник Малахов пытается нащупать правдоподобную версию, тем временем подозреваемые по делу неожиданно начинают самую настоящую войну с полицией... Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия – по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики. Суммарный тираж книг этого автора – более 13 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185956-5

© Колычев В. Г., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Григорьевич Колычев

Сладкое яблоко раздора

© Колычев В.Г., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая

Глава 1

Конец октября, через пару часов начнется ноябрь, на стыке времен года ветер дует особенно пронзительно. И тревожно. За последние несколько дней ни одного убийства. Для столь беспокойного города, как Волговодск, это как минимум подозрительно. Как бы чего не случилось. Максим внутренне поежился, глянув на часы. В машине тепло, а на душе не то чтобы зябко, но температура там точно не комфортная. А еще обидно. За своего напарника. Должность начальника уголовного розыска поставили на «орла», а ему выпала «решка». И Максим на освободившуюся вакансию претендовал, и Стасов. Начальник подполковник Артем Малахов даже не знал, кто более достоин. Он мог принять волевое решение, но Стасов сам предложил жребий. Сам же и проиграл. Сидит, молчит, невесело о чем-то думает, возможно, обижается. А может, и нет. Он всегда такой, спокойный, молчаливый, рассудительный. Иногда кажется, что себе на уме. Но так только кажется, на самом деле он нормальный, свой в доску парень.

Они уже подъезжали к дому, когда на телефоне заиграла мелодия. «Наша служба и опасна, и трудна». Судя по рингтону, звонил начальник.

– Макс, ты сейчас где? – спросил Малахов.

И тон у него такой же боевой, как и рингтон, Максим с нехорошим предчувствием глянул на засыпающего Стасова.

– Да уже пирожками пахнет. С мясом. Люба где-то рядом.

– Пирожки с мясом – плохая примета.

– Да я это уже понял, – вздохнул Максим.

– Улица Волжская, дом сто тридцать восьмой, тут рядом.

– Пирожки с мясом?

– Один... Э-э, работай давай!

Название улицы Волжская говорило само за себя, она тянулась по берегу реки: ближе к центру города – многоэтажная застройка, на окраине – частный сектор. Потерпевший жил даже не на окраине, а за чертой города, но в доме, выходящем на реку.

Откатные ворота нараспашку, но Максим заезжать во двор не стал. Только они с Егором вышли из машины, появилась хозяйка дома, не очень молодая, но довольно-таки красивая женщина. Волосы растрепаны, лицо заплаканное, тушь под глазами размазана, но все равно она выглядела довольно эффектно. Худенькая, длинноногая, легкое пальто смотрелось на ней как выставочный образец на манекене в бутике фирменной одежды. Максим просто обязан обращать внимание на все, даже на мелочи... А это не мелочи! Тем более что женщина вышла к ним не со двора, а со стороны улицы.

Над воротами дома ярко горел фонарь, на свет женщина вышла из темноты.

– Вы кто? – встревоженно спросила она.

Наверняка Малахов отправил к месту происшествия наряд и участкового, но Максим все же прибыл первым. Но ради этого им, увы, пришлось принести в жертву ужин, а там не только пирожки, Люба еще и жаркое обещала. К стаканчику домашнего вина. А то и к двум...

– Капитан Павлов, уголовный розыск!

– А вы, простите, кто будете? – Стасов с нескрываемым интересом смотрел на женщину.

– Я вас вызывала! – показывая на дом, сказала та.

– А там что делали? – Стасов кивнул в темноту.

Улица в этом районе застраивалась новыми домами, но фонарей хватало, почти везде светло. И только за домом потерпевшего почему-то темно. А улица на сто тридцать восьмом доме не заканчивалась.

– Что делала... «Вольво» наш там! – Всклипнув, она приложила пальцы к глазам. – Убийцы его бросили!

– Убийцы? – Павлов и Стасов переглянулись.

– Я захожу в дом, а там Юра, весь в крови, слышу, машина выезжает со двора. Ворота открылись, машина выехала... Я потом за ними пошла...

– Юра – ваш муж?

– Муж... Трутов Юрий Константинович, я говорила... Я думала, он живой, а он умер! – Женщина всхлипнула и, не в силах сдержать слезы, зарыдала.

На дороге со стороны города замелькали проблесковые маячки синего цвета Максим решил, что это патрульно-постовая служба на подходе, но к дому подъехала машина «Скорой помощи».

– «Скорую» вы вызывали? – спросил Стасов.

– Да, вызывала.

– Вы же сказали, что муж умер.

– А вдруг? – снова разрыдалась женщина.

Максим оставил Стасова с ней, а сам, взяв с собой только врача, прошел во двор.

Дом солидный, двухэтажный, терраса, мезонин, встроенный гараж. Дорога от ворот раздваивалась, одна «ветка» вела к гаражу, другая шла к площадке перед крыльцом. У входа в дом стоял паркетник «Инфинити» белого цвета.

Максим осторожно прошел в дом. Потерпевшего он увидел с порога, тело лежало посреди холла. Голова разбита, лицо в крови, рука безжизненно откинута. Вряд ли человек жив. Но в любом случае действовать нужно осторожно. Совершенно особо тяжкое преступление, будет работать группа, а следователи ох как не любят, когда затаптываются следы. Максим и сам надел бахилы, и врача обязал.

Впрочем, в медицинской помощи потерпевший не нуждался, врач всего лишь констатировал смерть. Максим попросил его покинуть место происшествия, связался с Малаховым, подтвердил заявление гражданки Трутовой. Впрочем, следственно-оперативная группа уже и без того собиралась на выезд, оперативники, можно сказать, уже прибыли на место убийства. Как чувствовал Максим, что так просто этот месяц не закончится.

Трутова жестоко избивали, удары в основном наносились по голове. А били чем-то твердым и тяжелым, скорее всего металлическим. Били наотмашь, вокруг все должно было летать и падать, а в холле полный порядок, подушки на диване все на местах, торшер с кованой стойкой не перевернут. Даже ковер, на котором лежало тело, и тот не смят. И только кровь под головой, причем натекло совсем чуть-чуть, ковер слегка испачкался.

Максим осторожно заглянул в каминный зал. А там полный разгром. Ковер смят, одно кресло сдвинуто к барному шкафу, другое перевернуто, кожаная обшивка на подлокотнике пробита чем-то острым. Два столика в комнате, один круглый чайный между креслами, другой журнальный, чуть большего размера, – перед диваном. Чайный столик перевернут, журнальный, видимо ударом, вплотную придвинут к дивану. На том же диване ваза с цветами, видимо, переместилась со столика. Ваза упала, но вода из нее не выливалась за отсутствием таковой. Цветы-то неживые. Стекло в дверце барного шкафа разбито, осколки на паркете, часть на ковре. Даже люстре досталось, один из четырех кубических плафонов снесен вместе с лампочкой, от которой остались осколки в цоколе. На каминной полке в строгом порядке красовались две стеклянные колбы с большими свечами в них, одна не удержалась, упала и разбилась, другая устояла. Там же, у камина, стояла кованая дровница с каминным набором. Но из четырех предметов Максим увидел только два, каминные щипцы висели на одном крючке, щетка на

длинной кованой ручке, на другом. Ни совка, ни кочерги. Может быть, их унесли с собой преступники. Но зачем?

Дровница стояла криво, возможно, ее сдвинули с места, но не перевернули. Слишком тяжелая она, так просто ее не опрокинуть. И щипцы из толстых кованых прутьев, и щетка внушительного вида. Кочерга и совок, очевидно, тоже немаленькие и в данном случае явились идеальными орудиями убийства. Скорее всего, этими предметами из каминного набора Трутова и забили до смерти.

Максим в каминный зал не заходил, от двери окинул взглядом комнату – по часовой стрелке, как учили. Справа голая стена с картинами в рамках, у дальней стены камин, напротив двери высокие окна с красивыми шторами. У четвертой стены барный шкаф. Диван стоял спинкой к окну, напротив него кресла. Зал просторный, отделка и обстановка в едином стиле – этакого комфортабельного охотничьего домика в тонах красного дерева. Голова косули над камином вписывалась в дизайн если неидеально, то близко к тому. Чучело на месте, рога тоже.

Павлов мог только предполагать, как развивались события. Справа от входа, перед барным шкафом, находилась арка, соединяющая каминный зал с обеденной зоной, стол там на шесть-восемь персон, шкаф с посудой, дальше шел поворот на кухню, попасть в которую можно было и через холл. Следов застолья Максим не обнаружил ни в одном из трех смежных помещений. Значит, драка между собутыльниками отпала. Возможно, потерпевший только что пришел домой, на это указывала его одежда – синий костюм, белая рубашка без галстука. На ноге одна домашняя тапка, вторая валялась в каминном зале.

Возможно, Трутов вернулся домой не один, с кем-то, возможно, из своих друзей. Но вспыхнула ссора, завязалась драка, в ход пошла кочерга. Вполне реальное развитие событий. Но почему тогда тело перекочевало из одного помещения в другое? Возможно, преступник решил избавиться от трупа, вывезти его куда-нибудь за город. И где-нибудь закопать. Например, с помощью каминного совка. Но тело на пол в холле опустили аккуратно, ковер нигде не смят и лежал ровно. Значит, тело несли, а не волокли. А если несли, то это уже как минимум два человека.

Убийство совершено недавно, кровь еще теплая – можно предположить, что преступников кто-то вспугнул. Павлов посмотрел на окно холла, которое выходило прямо на ворота. Шторы раздвинуты. Жена Трутова подъехала, фары ее машины могли если не ослепить, то всполошить убийц.

Максим окинул взглядом холл со стороны входной двери. Налево – каминный зал, прямо – вход на кухню, чуть правее – лестница на второй этаж, направо – дверь, по-видимому в гараж. Скорее всего, именно туда преступники и собирались отнести тело и погрузить его в багажник хозяйской машины. Если так, то именно этой дорогой они и ушли. Но без трупа. Спустились в гараж, сели в машину и тю-тю. Пока вдова новопреставленного пребывала в шоке, они уехали – и одни ворота открыли, и другие. Но если у них имелся пульт дистанционного управления, если они смогли запросто открыть ворота, почему они не забрали труп?

В принципе, жена покойного могла поднять тревогу, что она, в общем-то, и сделала, преступников могли остановить в дороге, а у них труп в багажнике, перспектива, мягко говоря, не очень. К тому же преступники действовали грубо, наследили они здорово, криминалисты снимут богатый урожай улик. Труп вывезти можно, а от следов избавиться очень трудно, нужно много времени и кропотливого труда. Тем более что пролилась кровь, наличие которой усиливает и консервирует запах преступника. Но тут возникает вопрос, понимали ли все это убийцы. Если они действовали спонтанно, то вряд ли. А если это заказное убийство, если работали профессионалы? Если да, то преступники знали, как работают криминалисты, какая у них техника, какие возможности. Может, потому и отказались от идеи увезти труп с собой.

Но профи, как правило, работают тихо, а здесь как будто Мамай прошел. Может, все-таки друзья Трутова постарались. Или просто знакомые. Может, коллеги по работе.

Максим задумался, вспомнил о машине, которую обнаружила вдова потерпевшего. Она говорила о «Вольво» мужа, который нашла неподалеку от дома. А почему она могла обнаружить машину? Уж не потому ли, что преступники пересели из чужой машины в свою? Если так, почему их автомобиль находился в относительном отдалении от дома? Друзья, знакомые заехали бы во двор...

Максим не бродил по комнатам в поисках следов, перемещался только по холлу, в каминный зал заглянул, а через него в столовую. Даже в гараж не заходил. Сейчас подъедут следователи, криминалисты возьмутся за работу, нельзя затаптывать следы. Нужно как можно скорее покинуть дом. И все же любопытство заставило его еще раз заглянуть в каминный зал.

Он тоже знал, как работает следственно-оперативная группа. Микрочастицы следов снимаются со всего: пылевые с ковра, с кафельной плитки, паркета – электростатическим и химическими методами, на вооружении у эксперта есть специальное устройство, Максим точно это знал. Потожировые выделения – это отдельная история. Криминалист может снять отпечатки пальцев, а потом даже сможет выделить из них генотип предполагаемого преступника, а затем и ДНК – для последующей экспертизы. Разумеется, все очень сложно, но криминалистическая лаборатория в отделе оснащена превосходно, случай помог. Целая череда нехороших случаев, которая, надо сказать, повлияла на судьбу самого Максима.

Отпечатки пальцев снимаются только с гладких поверхностей, многие в это верят. А Максим знал, что «пальчики» можно снять практически с любой поверхности, с одежды, с листьев, даже с рифленой рукояти пистолета, достаточно поместить исследуемую поверхность в цианоакрилатовую камеру, в лаборатории такая есть. Даже следы запахов можно изъять с помощью стерильной фланели, наложив материал на подозрительный предмет, или просто сделать забор молекул воздуха обычным шприцем из медицинской аптечки.

Убийцы наверняка наследили, но криминалистам нужна примерная картина преступления: как действовали злоумышленники, откуда они появились, где находились перед нападением. Тут им на помощь придет собственный ум, следователь что-то подскажет, работа пойдет и без участия Максима. Но картина преступления нужна и ему самому. Его дело – разыскивать преступников, и чем скорее он начнет работать, тем лучше. А экспертиза, результаты и заключение – дело долгое, пока дождешься...

А картина преступления пока размытая. Все еще не ясно, кто убил Трутова, случайные люди или профессионалы. Хозяин дома человек небедный, у него могли быть влиятельные враги.

Максим внимательно осматривал комнату, обращая внимание на каждую мелочь, но в помещение не заходил. Пока под креслом в свете полуразбитой люстры не блеснул некий красный предмет. Это мог быть окровавленный осколок стекла, вещь, представляющая безусловную ценность для экспертов. Оперу такой осколок без их заключения ничего не даст. И все же Максим зашел в комнату, осторожно сдвинул кресло. И увидел золотой кулон с крупным рубином на разорванной цепочке. Украшение женское, потерпевший носить его не мог, значит, принадлежало оно кому-то из нападавших. Или просто свидетелей.

Максим не стал подбирать кулон, навел на него смартфон, несколько раз сфотографировал и только тогда вышел во двор. А там и подъехавший наряд, и жена Трутова под опекой Стасова. Она что-то бормотала вне себя от горя, а он ее внимательно слушал. И подставлял свою руку, за которую она держалась. Как будто мужа хоронила, стояла перед гробом, не в состоянии держаться на ногах. Но понять ее, конечно, можно. Мужа убили, врач констатировал его смерть, и нет никаких надежд на чудесное воскрешение.

– Простите, как я могу к вам обращаться? – спросил Максим, глядя на женщину.

Ей понадобилось время, чтобы перезагрузить свое сознание и переключиться на него. Немного не в себе женщина, и это видно. Возможно, она нарочно подчеркивает глубину своих переживаний.

- Альбина... Альбина Сергеевна Трутова, – наконец сказала женщина.
- Что вы можете сказать по поводу случившегося?
- Что я могу сказать... Приехала, захожу в дом, а там...
- Откуда вы приехали?
- Из Астрахани. В санатории была.
- Отдыхали?
- Соляные пещеры, целебные ванны, здоровье поправляла.
- Муж знал, что вы сегодня приезжаете?
- Если честно, сегодня он меня не ждал.
- А вы взяли да приехали!

Максим хотел было спросить, звонила ли Альбина Сергеевна мужу перед приездом, как поступают порядочные жены перед возвращением из командировок или с курорта, но воздержался. А звонят, чтобы предупредить о своем приезде и не нарваться на любовницу. Все-таки горе у женщины. Но скользкой темы избежать вряд ли удастся.

- Так вышло.
- Муж не ожидал вашего возвращения?
- Нет, а что?
- Вы звонили ему, спрашивали, чем он собирается сегодня заняться?
- Ну чем он занимался, на работе сегодня был...
- А где он работает?
- На комбинате, в профкоме... Председатель профкома.
- Председатель? – наматывая на ус, усмехнулся Максим.

Профкомы на фосфорном и горно-обогатительных комбинатах – вотчина местной криминальной мафии. Посредством профсоюзов Борщевик держал за причинные места владельцев этих крупных, градообразующих предприятий. Когда-то он поднимал на бунт зоны, а сейчас мог устроить забастовку рабочих, а это простой предприятий, финансовые и репутационные потери. И чтобы комбинаты работали бесперебойно, их владельцам приходилось раскошелиться. Вроде как Борщевик брал немного, но кто его знает, как там на самом деле...

- Юра на работе сегодня был, – сказала Трутова.
- Я так понимаю, он совсем недавно вернулся, – предположил Максим, глядя на видеокамеру на опорном столбе ворот.
- Не знаю. Ничего не знаю.
- Я вижу, камеры у вас есть.
- Обманка, – покачал головой Стасов.
- Ну, не то чтобы обманка... – начала, но, махнув рукой, остановилась Альбина.
- Камеры рабочие, просто не подключены, – глянув на нее, сообщил Стасов. – Дом строили, не позаботились, проводку не сделали. А тянуть провода поверх отремонтированных стен не захотели...
- А через вай-фай? – спросил Павлов.
- Не работает ничего, – с пониманием глянув на него, качнул головой Стасов.
- А преступники это знали? – спросил Максим.
- Надо бы глянуть, может, дернули какой-то компьютер... Компьютер у вас должен быть? – сказал Стасов, обращаясь к Трутовой.
- Да, ноутбук в кабинете у мужа, – сказала она.

Максим кивнул. Камеры видеонаблюдения могли замыкаться как на специальный системный блок, так и на обычный компьютер. Преступники могли унести с собой как то, так и другое. Как унесли орудия преступления... Но в то же время труп они не увезли, не успели. Может, и про компьютер не подумали. Может, и не знали о существовании камер. Не обратили внимания, когда вместе с Трутовым заезжали к нему домой.

На всякий случай Максим зашел в дом, поднялся на второй этаж, заглянул в кабинет, где должен был находиться компьютер, но увидел там только пустой стол. Колонки на нем стояли, наушники, роутер, принтер – и все это, судя по положению проводов, отсоединили от компьютера, от которого осталось только пустое место. Стол слегка запылен, а на том месте, где он стоял, чисто.

Павлов пожал плечами. Странно как-то получается. Тело преступники бросили, когда до машины оставалось всего ничего, а компьютер забрали, хотя для этого нужно было подняться на второй этаж.

Максим вышел из дома и увидел следователя Планиджина, невысокого плотного мужчину с живым взглядом на апатичном лице. Вслед за ним шел другой следователь, но уже с приставкой «криминалист». И эксперты здесь как от криминалистики, так и от судебной медицины. Вместе с группой прибыл и подполковник Малахов, глыба из плоти и крови, утяжеленная железной волей. Выражение лица суровое, даже жесткое, а взгляд спокойный, добродушный. Но расслабленности в этом взгляде ни на грамм. И усталости тоже. Спокойная вдумчивая сосредоточенность, слегка приправленная иронией.

Следователи и криминалисты прошли в дом, а Малахов остался.

– Ну что? – обращаясь к Максиму, спросил он.

Стасов правильно все понял и отвел Трутову в сторонку.

– Да как-то непонятно все. С одной стороны, возможно, бытовуха. Но с другой – есть признаки заказного убийства.

– Например?

– Убитый – председатель профкома на фосфорном комбинате.

– Интересно.

– Признаки заказного убийства. Признаки бытового убийства. И признаки «шерше ля фам», – усмехнулся Максим, доставая из кармана смартфон.

Он вывел на экран изображение кулона, подошел к Трутовой и показал ей.

– Вам знакома эта безделица? – спросил он.

– У меня такой нет, – не задумываясь, мотнула головой женщина.

– Дай-ка! – Малахов взял у Павлова смартфон, глянул на кулон.

– Откуда это? – спросил он.

– Так на месте преступления нашел. Брать не стал, сами понимаете.

– Понимаю. Очень хорошо понимаю, – думая о чем-то своем, довольно-таки рассеянно проговорил Малахов.

– Возможно, на месте убийства присутствовала женщина.

– Шерше ля фам?

– Возможно, Трутов был с друзьями, возможно, не поделили женщину, возникла драка.

Его убили, тело хотели вывезти, но подъехала жена, преступники скрылись на его же машине. Из гаража выехали.

– И женщина с ними?

– Не знаю. Как-то странно все получается. Если друзья, если женщина, значит, они на своей машине должны были приехать и оставить ее во дворе. А если они приехали на машине Трутова, то, на ней же и уехав, не стали бы бросать ее рядом с домом. А они бросили. Машина стоит где-то неподалеку. Я думаю, преступники пересели с одной машины на другую. Которая стояла там же, где-то неподалеку.

– А если просто решили продолжить путь пешком?

– Не знаю, я бы куда-нибудь подальше заехал.

– А машину они бросили?

– Да.

– А чего тогда стоим? Где кинолог? Где собака?

Кинолог находился в микроавтобусе, сыскная собака только ждала команды. И она ее получила. Ее подвели к машине Трутова, дали обнюхать салон, и она сразу же взяла след. Но очень скоро остановилась. След исчез. Преступники уехали на автомобиле.

– Все-таки была машина, все-таки была пересадка.

– Машину закрыть, взять под охрану, место оцепить, как только эксперты освободятся, направить их сюда, – распорядился Малахов, пальцем очертив круг, в пределах которого могла находиться уехавшая машина.

– Понял, – кивнул Максим.

– Что ты понял? Машину охранять будешь? Следы от колес?

– Со свидетелями работать смысла нет, – пожал плечами Максим.

Он выказывал готовность работать где скажут, а Малахов требовал от него инициативы. Как будто ничего не понимал.

– Почему?

– Если преступники заехали во двор на машине, кто их видел? Камеры не работают...

Ну, если только они проникли во двор незаметно.

Павлов глянул на дорогу в месте, где предположительно стоял автомобиль преступников. Убийцы могли стартовать отсюда, место здесь темное, вдоль заборов вообще ничего не видно, хоть глаз выколи, собак не слышно. Они спокойно могли подобраться к дому Трутова, перебраться через забор.

– Гюльчатай, ты куда, Гюльчатай? – заговорил вдруг кинолог.

Сидевшая на задних лапах собака вдруг пришла в движение и по дорожке вдоль забора повела его к дому Трутова. Видимо, след взяла.

С каждым шагом Гюльчатай набирала ход, в открытые ворота она вбегала, кинолог едва поспевал за ней. Собака подбежала к гаражу и заскребла под закрытыми воротами, будто собираясь устроить подкоп.

– И что это значит? – спросил Стасов.

– Может, преступники через гараж в дом проникли? – косо глянув на Малахова, предположил Максим.

Он ведь не дурак и даже знал женщину, любительницу рубинов и таких же дорогих красных машин. А Малахов знал Еву Лазареву еще лучше. Еву, родную сестру братьев Лазаревых, один из которых владел фосфорным, а другой горно-обогачительным комбинатом. И еще эта женщина любила интересных мужчин. И даже замешана была в одном убийстве, когда переспавший с ней мужчина убил свою ревнивую жену. В том деле, кстати, также фигурировали рубины, целое кольцо...

Уж не о Еве ли подумал Малахов, увидев кулон с рубином. Трутов был связан с комбинатом напрямую, Ева постольку-поскольку, может, и пересеклись где-то их пути-дорожки, слившись в один путь, который и привел их в дом на улицу Волжская. Малахов мог думать о ком угодно, это его право, но зачем подчиненным-то грубить? Максим всего лишь хотел показать, что готов выполнить любой его приказ, а он чуть ли не на смех его поднял. Как будто он какой-то ни на что не годный тюфяк.

– Через гараж? – Малахов с интересом глянул на него.

– Ворота откатные, пока они закрывались за Трутовым, преступники могли проникнуть во двор. – Максим смотрел на пышный куст, который рос прямо у ворот.

Листва уже облетела, но освещение в районе куста не самое яркое, преступники вполне могли спрятаться за ним. А до гаража от этого места рукой подать. Одна короткая перебежка, и там.

– А как они попали в гараж? – спросил Малахов, измеряя расстояние от куста.

Он и сам искал ответ на свой вопрос.

– Предположим, Трутов был с женщиной...

– Предположим.

– А камера вдруг работает... Или соседи могут увидеть. – Максим глянул на дом, крыша которого виднелась за забором. – Он мог завезти женщину в гараж, не останавливаясь во дворе. И уже оттуда в дом. А прямой вход из гаража есть... Должен быть.

Максим задумался. А вдруг дверь у лестницы вела не в гараж, а, например, в подвал? Далеко не всегда встроенный гараж сообщается с домом напрямую.

– Может быть, – кивнул Малахов.

– А ворота в гараж опускаются медленно.

– Думаешь, преступник мог проникнуть в гараж «на плечах»?

– А вдруг?... Вдруг он изначально планировал Трутова убить? Сразу. В гараже.

– А почему не убил? – спросил Малахов.

И сам же себе, кажется, ответил. Но молча, чтобы не выдать одну хорошо ему знакомую женщину. И не поставить себя в глупое положение.

Глава 2

Небожители, даже если они местного разлива, должны жить на верхнем этаже самого высокого здания. Так думала Ева или нет, но ее апартаменты находились в самой верхней точке города. Но подполковник Малахов эту ее гордость за себя не разделял, на ум почему-то приходила фраза: «Наша дура выше всех». И не просто дура, а на букву «б». То с одним, то с другим, теперь вот с третьим. Или с четвертым, если подполковника Малахова считать третьим. Как ни крути, а он у нее в обойме. Он-то из нее вроде как выпал, но место в списке осталось. Был он с Евой, не смог пересилить себя. Красивая она: и сладкая изюминка в ней, и перчинка, и одно не портит другое, как раз наоборот.

К Еве Артем отправился как был, в форме. Охранник в подъезде узнал его, подтянулся и без слов пропустил к лифтам. А их там три, два общих и один персональный – с транзитной доставкой в четырехэтажный пентхаус. Не так давно Артем получил допуск на первый этаж, для этого ему достаточно приложить палец к сканеру. Но Ева могла уже вычеркнуть его из списка избранных, тогда он сейчас на глазах у охранника потерпит фиаско.

Но нет, лифт пришел в движение, спустился к нему, поднял его на четвертый этаж пентхауса, который представлял собой своего рода досугово-развлекательный комплекс для своих. И кафе здесь с баром, и кинотеатр, и тренажерный зал. На третий и выше этаж Артем подняться уже не мог.

Со стороны подъезда створки лифта обычные, выход на верхнем этаже находился в другой стороне, там уже стеклянные дверцы. Створки еще не распахнулись, а Артем уже видел Лику, телохранительницу Евы, симпатичную девушку с неподвижным, как у куклы, лицом и спортивной фигурой. На Артема она смотрела с непроницаемым выражением лица, хотя обычно оживала при его появлении. Он поздоровался с ней кивком.

– Ева где?

Впрочем, Лика могла не отвечать. Артем сам увидел Еву, она поднималась из-за столика своего домашнего кафе. Черты лица у нее тонкие, красота утонченная, фигура стройная. Она только с виду кажется нежной, хрупкой и беззащитной, на самом деле она могла за себя постоять. Да и защитников у нее хватало.

Костюм на ней стильный, светло-красного цвета, не офисный, скорее для ночного клуба, юбка не мини, но короткая. Блейзер с глубоким вырезом, всего на двух пуговицах, а под ним ничего, даже кулона с рубином. В доме Трутова кулон остался. А сережки на месте, в ушах. Из того же гарнитура сережки, что и кулон. И браслет с рубинами на запястье.

Ева мягко улыбнулась, чуть ли не влюбленно, глядя на Артема. Что-то, а очаровывать она умела. И в постели горячая штучка. А на следующий день может остыть и даже не узнать. Но разогреть ее нетрудно... Избалованная она девушка. Тридцать два года Еве, и замужем она успела побывать, но назвать ее женщиной язык не поворачивался, слишком уж она молодо и свежо выглядела.

– Артем! – Она подошла к Малахову, нежно провела рукой по его плечу.

И замерла в ожидании: вдруг он поцелует ее хотя бы в щеку. Но Артем целовать ее не стал, и она как будто разочарованно глянула на пожилую женщину, которая сидела за столиком кафе.

Артем не просто так получил назначение в Волговодск. За два последних года в городе сменились три начальника отдела МВД. Все трое погибли – один застрелился, другой отравился алкоголем, у третьего случилась острая аллергическая реакция, а рядом никого не оказалось, в итоге смерть. В совпадения никто не верил, работала группа из Москвы, но следов насильственной смерти не обнаружила. Или действительно самоубийство и несчастный слу-

чай, или работал профессионал. Так или иначе, на должность начальника ОМВД желающих не нашлось, а вот подполковник Малахов отказываться не стал.

Артем принял должность, а очень скоро узнал, кто стоял за гибелью одного из его предшественников. Полковник Земский встречался с Евой, но в один прекрасный момент взялся за ум, вернулся к жене. И спустя какое-то время после этого застрелился.

Все бы ничего, но не так давно Ева завела интрижку с мужем своей одноклассницы. Тимур Козоев растрепал всем, кому только можно, что переспал с самой Евой Лазаревой, и этим очень ее обидел. Заступился за нее бывший телохранитель. Антон Горбин собирался убить Козоева, но не успел. Им заинтересовался Борщевик и этим подписал ему смертный приговор. Сам по себе действовал Горбин или Ева его попросила наказать Козоева, эту тайну скрывала могила. Ева, конечно, все отрицала. И от Земского она открестилась если его убил Горбин, то без ее благословения. А кто убил подполковника, сменившего на посту Земского, она понятия не имела. А ведь Хохлатов подозревал ее, пытался докопаться до правды, может, за это и поплатился. Но все это лишь догадки, доказательств нет, предъявлять Еве обвинение бесполезно. Да он и не пытался. Артем всего лишь отказался от нее. Узнав недоказанную правду, он ушел от Евы. Бросил ее, можно сказать... И ничего, жив до сих пор. А ведь она могла бы найти киллера по его душу. Если бы очень захотела.

– Ну не виновата я ни в чем! – Ева посмотрела на него глазами маленькой девочки, которую оставили без сладкого.

Артем же смотрел на женщину, которая подходила к ним. Немолодая уже, явно за шестьдесят. Не молодая, но и не старая, не худая, но и не толстая, аккуратная прическа, спокойный макияж, сережки в ушах скромные, платье и кофта поверх него новые, но не очень дорогие. Лицо если и подправлено ботоксом, то лишь слегка, ну, может, губы чуть подкачаны, чтобы старость их совсем не «съела». В общем, самая обыкновенная женщина, следящая за собой, но не гоняющаяся за модой и восхищением публики. Для своих шестидесяти она выглядела хорошо. Но выглядела именно на шестьдесят, ни больше ни меньше.

Женщина смотрела на Артема, как будто хотела что-то сказать, но не решалась.

– А это моя мама! – будто спохватилась Ева, взяв женщину за руку.

– Очень приятно! – Артем расправил плечи и опустил голову, на мгновение прижав подбородок к груди. – Подполковник Малахов!

– Татьяна Витальевна, – кивнула женщина и протянула Артему руку, с легким, можно сказать ироничным предостережением глядя на него. Руку целовать совсем не обязательно, она женщина простая, к политесам не приучена. А ведь именно это она и хотела сказать, во всяком случае Артем так ее понял. Руку он целовать не стал, но пожал ее мягко, бережно.

– Чай, кофе? – спросила Татьяна Витальевна.

Она смотрела на Артем оценивающе, но взглядом не сверлила, изъяны не выискивала. Она смотрела на него как обычная мать на парня, с которым строила отношения ее дочь, не вдаваясь при этом в странности этих отношений. Малахов отсутствовал больше недели, возможно, он бросил Еву, но Татьяна Витальевна, казалось, не хотела ничего этого знать. И осуждать Артема тоже не желала. Она предоставляла право им самим во всем разобраться.

– Если можно, чай.

Татьяна Витальевна кивнула и вроде как направилась к стойке бара, но тотчас снова повернулась к нему лицом, глянув при этом на Еву.

– Может, вам лучше наверх? – спросила она, обращаясь и к ней, и к нему одновременно.

– Ну-у! – замаялась Ева.

– Вы тут сами, а я пойду, поздно уже... Лица, ты меня проводишь? – Татьяна Витальевна спрашивала вежливо, но явно без опасений услышать отказ.

Лица помогла женщине одеться. На прощание Татьяна Витальевна глянула на Артема и тепло, и с предостережением. Не хотела бы она, чтобы он бросил Еву. Может, и не хотела она ничего знать, но ей было известно многое.

Ева зашла в лифт вместе с матерью, проводила ее до парадной и вернулась к Артему.

– А чай чего не заварил?.. – с мягким, нежным укором спросила она. – Чувствуй себя как дома!

– Не получается.

– Я еще раз говорю тебе... – начала Ева, но, глянув на Артема, остановилась. Не переубедить его, не уговорить, и она это понимала. – Как тебе моя мама? – вздохнув, спросила она.

– Хорошая мама.

Артем не лукавил, Татьяна Витальевна произвела на него приятное впечатление. Хотя и угадывался под спокойствием ее мудрого взгляда непростой характер.

– Ты ей нравишься, – сказала Ева, наблюдая за ним.

– Это она вам сейчас сказала?

– Вам?! Мы что, на «вы»? – нахмурилась Лазарева.

– Где твой кулон? – пожав плечами, спросил Артем.

– Мой кулон?! – Ева провела рукой по лацкану блейзера.

– Да, твой кулон. С рубином.

– Не нужен здесь кулон. – Ева просунула руку под лацкан, сдвигая его.

– Ну и сняла бы его спокойно. Зачем с цепочкой срывать?.. Или это в порыве страсти? – презрительно усмехнулся Малахов.

– Я тебя не понимаю! – Ева встревоженно смотрела на Артема.

– Как и когда ты оказалась в доме Трутова?

– Трутова?! – сошла с лица Ева.

– Трутов Юрий Константинович. Вы его знаете?

– Ну вот, снова на «вы»?.. Что случилось? Почему ты говоришь со мной в таком тоне?

– Ну, если переспать с Трутовым для тебя ничего такого...

– Переспать с Трутовым – это со мной на «ты»! А ты со мной на «вы»!.. Что случилось?

– Убили Трутова.

– Как убили?! – искренне удивилась Ева.

Артем внимательно смотрел на нее. Похоже, Лазарева действительно ничего не знала о гибели своего любовника.

– На месте преступления обнаружен ваш кулон.

– Ну, пожалуйста, не надо на «вы»! – чуть ли не взмолилась Ева. – Ну хочешь, убей меня! Только на «вы» не надо!

– За что убить?

– За то, что я у него была. Но я с ним не спала!

– Что помешало? – усмехнулся Артем.

Возможно, убийцы появились уже под занавес. Произошло почти все. Но не все! Ведь «почти» не считается. Потому как бы ничего и не было... А может, преступники пристукнули Трутова в тот момент, когда он еще только срывал кулон с Евы. Вместе с бюстгальтером. Трутова сорвали с Евы, избивали до смерти, но ее не тронули. Потому что узнали в ней самую Лазареву. А может, они заранее знали, с кем будут иметь дело...

Рассматривал Артем и другой вариант. Возможно, Трутов обидел Еву, и она пришла к нему разбираться. В сопровождении «горилл» кого-то из своих братьев. Трутов набросился на нее, сорвал кулон, за это его и забили до смерти, хотя собирались всего лишь что-нибудь сломать. Или отрезать. Но зачем Еве куда-то ехать, если Трутова могли похитить и бросить к ее ногам?..

– А вот подумала о тебе, и помешало! – вскинув голову, но упавшим голосом сказала Ева.

- Когда ты обо мне подумала?
- Когда подумала?.. Да я постоянно о тебе думаю! А тебя все нет и нет.
- А Трутов?
- А Трутов есть!.. Или нет? Его что, правда убили?
- Ты была сегодня у него дома?
- Да, была назло тебе! Он в торговый центр к нам заехал, я случайно его увидела. Ну, поговорили, он предложил, а я не отказалась! Назло тебе!..
- Ты поехала к нему домой?
- Назло тебе!
- На чьей машине?
- На его. Я подумала, что мне лучше не светиться, он заехал в подземный гараж, я к нему спустилась.
- На его машине поехали из одного гаража в другой?
- В общем, да, он меня сразу в гараж привез, ну там, у него дома.
- Дальше что?
- А что дальше?.. Он предложил выпить, бар у него в доме нормальный. Обстановка ненормальная. Жена в командировке, а я как дура на птичьих правах... А когда он меня прижал, я еще и о тебе подумала. Правда подумала!..
- Хорошо бы без лирики! – поморщился Артем.
- Так без лирики! Не было никакой лирики! Я его оттолкнула, сказала, что не хочу. И он отвез меня домой.
- И все?
- А ты бы хотел красочного описания постельной сцены? – усмехнулась Ева, с обидой глянув на Артема.
- Никто на вас не нападал?
- А кто должен был напасть? Тот, кто убил Трутова? Ты мне расскажи! Я так не могу, если не знаю!
- И я не знаю, кто убил Трутова. Но кто-то убил. Кто-то напал. И кулон твой нашли.
- Ну, кулон... Кулон хороший, а цепочка... Замок на ней был сломан, за волосы зацепился, еле отодрала. Сломаться мог... Ну а когда Трутов зацепился... Не было ничего, и не надо на меня так смотреть!
- Я смотрю не на тебя, я смотрю в прошлое. Когда вы с Трутовым приехали к нему домой, в какое время?
- В районе восьми часов.
- А уехали когда? – продолжал Малахов.
- Хронометраж событий можно проследить по телефону Евы, полностью отследив ее маршрут. И делать это придется, но чуть позже. И телефон покойного тоже отработают, разложат временные показатели по полочкам.
- Да почти сразу и уехали.
- Куда?
- Откуда забрал, туда и привез. И обратно уехал.
- Домой?
- И Трутов домой, и я домой.
- Даже не переоделась, – заметил Артем.
- Ну, Ева вернулась домой в районе девяти, а на часах уже половина двенадцатого. Сколько времени прошло, а она даже не переоделась. Полночь скоро, давно уже пора в теплой постели в пижаме лежать, а она все костюм свой выгуливает.
- А чего мне переодеваться? Нераздеванной... Да и мама пришла, мы тут с ней как засели... – Ева указала на стол, за которым она сидела с мамой.

– Здесь?

– Ну, я, конечно, наверх ей предложила, а она здесь. Нравится ей эта моя придумка. Мама когда-то в буфете работала, при кинотеатре, правда, давно это было.

– А Лика где находилась?

– Здесь где-то... Да она отсюда не уходила. Я ее с собой не брала.

– Значит, с мамой чаевничала?

– Ну да, о своем, о женском...

– О Трутове с ней говорили?

– Да кулон этот... Я ей во всем призналась. Влюбилась, говорю. В тебя в смысле... А он такой-сякой. Ну, ты!.. А в Трутова я влюблена когда-то была.

Артем выразительно промолчал. В кого только Ева не была влюблена!

– Нет, серьезно. А он со своей этой Альбиной! Я к нему, он от меня. А сегодня вдруг разыгрался, ну, и меня повело. Я маме все рассказала. Покаялась... в том, что я такая непутевая... Так, погоди, а ты меня в чем-то подозреваешь?

– Земский после связи с тобой застрелился, Хохлатов после встречи с тобой отравился алкоголем, Козоева приговорили к смерти, сама знаешь, после чего...

– Ну, с Хохлатовым у меня точно ничего не было. И с Козоевым тоже! – торопливо проговорила Ева.

– Теперь вот Трутов! – подвел черту Артем.

Преступники могли забраться к Трутову в дом, когда он привез Еву домой. А могли сделать это и после того, как он вернулся без нее. Он же ставил машину в гараж. И это могли быть люди, которых снарядил кто-то из братьев Лазаревых. Может, Ева действительно отказалась от своих первоначальных планов, Трутова это обидело, он поднял на Еву руку, она пожаловалась брату. Могла позвонить Виталию Лазареву, с его частным охранным предприятием «Стриж». Или Георгию Лазареву, комбинат которого охраняла фирма «Стена», откуда, кстати сказать, вышел Антон Горбин. Предполагаемого киллера больше нет, но незаменимых людей, как говорится, не бывает.

– Ты меня подозреваешь!

– Я всего лишь хочу знать, как было дело. Ты приехала к Трутову домой, что дальше?

– А не пошел бы ты! – вдруг психанула Ева.

Артем кивнул. Он, конечно, пойдет. Закончит допрос и уйдет. Даже телефон у Евы не заберет. Номер он знает, тот же Павлов и геолокацию проведет, и все исходящие звонки пробьет, кому, когда звонила Ева... Малахов задумался. А может, не надо Павлова привлекать? Зачем светить Еву?.. Но в то же время и не светить ее нельзя. Если она под подозрением. Может, все-таки самому заняться телефоном? Возможности есть, методика, в общем-то, отработана.

– Насколько я понял, вы знали Трутова давно? – сухо, сугубо официальным тоном уточнил Артем.

– Слушай, ты человек или робот? – спросила Ева и даже потрогала его за руку, слегка ущипнув. Вдруг там у него сплошной металл.

– Вы знали Трутова до сегодняшней встречи?

– Умеешь ты довести до белого каления.

– Знали?

– Я же сказала, что знала! И даже была немного в него влюблена!

– А он не мог изменить своей жене?

– Да нет, это я не могла изменить! Тебе!.. А он мог изменить своей Альбине!

– Сегодня?

– Я уже закипаю, – сомкнув зубы, сказала Ева. – От своего белого каления. Скажи, почему это меня возбуждает?

– Может, вы напомнили Трутову о своих прежних отношениях? Может, вы как-то его разозлили? – спросил Малахов.

– Да нет, это я тебя злю! – Ева взяла его под локоть, грудью прижимаясь к плечу.

Как будто насос к его системе кровоснабжения подключился и заработал, в жилах забурлило, голова приятно закружилась. Но Артем взял себя в руки. Отталкиваться, отстраняться не стал, просто попробовал погрузиться в анабиоз, в котором ничего не чувствуешь, не воображаешь.

– Почему он сорвал с вас кулон?

– В порыве страсти!.. А теперь спроси то же самое, но на «ты»!

– Почему он сорвал с тебя кулон?

– Раздеть меня пытался, я его толкнула, он упал, кресло перевернул.

– Это его разозлило?

– Шлюхой меня обозвал! А я не шлюха! Просто без царя в голове... С Козоевым этим! Он же красавчик, если честно! И я молодая, незамужняя... А потом думаю: ну куда тебя несет, дура!..

– Трутов тебя бил?

– Ну нет!.. Он же знает!..

– Что знает?

– Виталика знает, брата моего! Виталик его в порошок может стереть!

– Виталику не звонила?

– Нет. Зачем?

– Твой телефон уже вскрыли, там все звонки.

– Я маме звонила.

– Когда?

– Ну, когда...

– Вся история звонков с твоего телефона у нас, – напомнил Малахов.

– Юра... Трутов куда-то ушел, сказал, домой сейчас отвезет, а я маме позвонила.

– Пожаловалась?

– Кому, маме? Ты что, на маму думаешь? – Ева с силой оттолкнулась от Малахова.

– Я не думаю, я спрашиваю, – качнул головой Артем.

– Трутов меня обидел, я позвонила маме, и она отправила к нему убийц? Ты это серьезно? – Ева смотрела на него как на ненормального.

– Может, и несерьезно. Но Трутов убит, – сказал Артем.

Но Ева его как будто не слышала.

– А если я на тебя маме пожалуюсь? Скажу, что ты меня обижаешь!

– Я тебя обижаю, – кивнул Артем.

А ведь это действительно так. Неважно, заслужила Ева небрежного к себе отношения или нет, но говорил он с ней жестко, даже грубо. Это не могло не обижать ее, особу, привыкшую к тому, что мир крутится вокруг нее.

– Еще как обижаешь!

Ева обвила руками его шею и, приподнявшись на носочках, посмотрела ему в глаза, желая заглянуть в его душу.

– И я знаю, кому на это пожаловаться!

– Жалуйся.

– Я пожалуюсь тебе... Ты же должен меня защищать?

– Как представитель закона.

– Хотя бы так.

– На общих основаниях.

– Не хочу на общих основаниях! – Ева капризно наморщила носик.

– Что ты хочешь, чтобы я с собой сделал?

– Зачем тебе что-то с собой делать? – не поняла Ева.

– Ну как же, ты жалуешься мне. На меня. Я же должен принять меры.

Артем думал о Земском. Вряд ли Ева жаловалась на него ему же самому, но полковник с собой что-то сделал. Застрелился. Может, и Ева сейчас думает о том же?

– Какие меры? – Ева с подозрением смотрела на него.

– Ну, мало ли...

– Я знаю, о чем ты думаешь... – Она ткнула в него пальцем. – И вот что я хочу тебе сказать!.. Ты больной, если думаешь, что я виновна в смерти Земского!.. И Козоева я не заказывала!.. И на Трутова никому не жаловалась. Просто так за себя стало обидно. И к маме на ручки захотелось!.. Тебе смешно?

Артем качнул головой, глядя на Еву. Ей уже тридцать два, возраст, в котором женщине как минимум неприлично быть одной. А у нее ни мужа, ни детей, только братья, у которых своя жизнь, свои семьи. Еве ведь тоже хочется домашнего тепла и семейной ласки, а нет ничего такого, вот и бросает ее из крайности в крайность. А остановить некому, приходился самой жать на тормоза. Замуж ей пора, одним словом. Как ее не понять?

– А мне смешно!.. Только я совсем не смеюсь!..

– И не надо, – покачал головой Артем.

Человек погиб, Трутова нет. И, возможно, Ева все-таки виновна в его смерти – и она, и ее семейка. Та же мама могла спросить за дочь, пользуясь возможностями своих сыновей. Способна она на такое или нет, сказать сложно, скорее всего вряд ли. Но как ни крути, а Ева звонила своей маме после того, как Трутов ее обидел... И Земский обижал Еву. И Козоев...

– Плохо мне, понимаешь, плохо!

– Понимаю.

– Мне без тебя плохо!

– Не знаю.

– Тогда пошел вон!

Артем кивнул. Ева могла говорить все, что угодно. Она сейчас в очень сложном положении, а полностью оправдаться возможности нет. Она это понимает, оттого и злится, не надо воспринимать ее слова всерьез. Тем более что нет у него желания остаться с ней.

– И больше не приходи! – бросила она вслед.

Артем качнул головой, нажимая на кнопку вызова лифта. Увы, оставить Еву в покое он не может. Подозреваемая она, и ей придется давать показания. И у него еще возникнут вопросы, и следователь захочет с ней поговорить.

Он зашел в кабинку лифта, Ева исчезла из вида, но до слуха донесся ее голос:

– Не бойся, маме на тебя жаловаться не буду!

Скорее всего, это был сарказм. Ну не могла Татьяна Витальевна устроить расправу над Трутовым, не тот она человек. Да и Ева, возможно, ни в чем не виновата. Возможно, Горбин и не убивал Земского. Да и над Козоевым он всего лишь замышлял расправу, может, он всего лишь хотел его покалечить. А Трутова мог убить Борщевик, его люди. По линии профсоюза, так сказать. Может, зря Артем подозревал Еву. И ее семью? Но в то же время Ева звонила матери, жаловалась ей. Это факт. И не поехала она к ней домой, к себе вернулась. Татьяна сама приехала к дочери, Артем застал их вместе. Как будто на месте преступления.

Глава 3

Кто бы там что ни говорил, а пирожки у Любы очень даже. Вкуснее только у Марины. И торты у нее самые-самые, и пирожные, не зря она заведует отделом кулинарии. И сама как сдобная булочка. Хватило шести лет в браке, чтобы она из сахарной тростиночки превратилась в розовощекую пышку. А Егор Стасов, сколько помнил себя, терпеть не мог женщин в теле. С Мариной, правда, немного иначе. Она хоть и пышная, но не рыхлая – плотная, упругая, и не так уж и плохо с ней в постели. Пока его все устраивает. И жену он любит, и сыном дорожит, семья у него на первом месте. Только вот почему-то не удержала Марина его от безрассудного, в общем-то, решения. Бросил все и уехал к черту на кулички. Может, погорячился.

– Приехали! – донеслось сквозь дрему.

Егор уже почти заснул, когда Макс остановил машину. На улице дождик моросит, дворники по окошку скребут, убаюкивают. Да и время уже за полночь. Баю-бай уже давно пора, а они носятся по городу как неприкаянные. Нет, он не против, работа у него такая, волка ноги кормят. Молодой он, двадцать восемь лет, еще бегать и бегать, он готов к беготне. Но уже не за горами время подводить первые итоги прожитой жизни. В тридцать лет Егор спросит себя, чего он добился за годы службы. Старший оперуполномоченный? Ну что ж, неплохо, бывает и хуже. Но хотелось бы большего, уголовный розыск возглавить, а ведь он мог бы уже рулить в этой должности, если бы не сорвался с места вслед за Малаховым. Здесь тоже могло подфартить, но закон подлости сыграл против него – в пользу Макса. Обидно. Но работать надо. Только вот из машины выходить не хочется. И поздно уже, и дождь идет.

У Макса зазвонил телефон, он ловко нацепил на ухо гарнитуру, ответил.

– Да, товарищ подполковник!.. Да вот, к фосфорному комбинату подъехали... – как-то не очень весело отчитывался Макс.

Убийцы проникли в дом тайком, через гаражные ворота. Если тайком, значит, действовали посторонние для потерпевшего люди, но тем не менее для успокоения совести решили проверить версию о причастности к убийству Трутова его коллег по работе. Соседей опросили, никто ничего не видел, отправились на комбинат фосфорных удобрений, узнать, когда и с кем потерпевший покинул территорию производства. Заскочили по пути домой, прихватили пирожков, Егор жевал, жевал, а все равно сон сморил.

– Да понятно, что вряд ли это с работы, но раз уже приехали... – говорил Макс. – Какую новость?.. Две?.. Ну да, меня начальником... А Стасову?.. Ну, нормально!.. – Голос у Макса и дрогнул и вместе с тем повеселел. – Скажу, конечно!..

Макс сбросил вызова и хмыкнул, комментируя ситуацию. Он не торопился выходить из машины, да и Егору не хотелось двигаться.

– Что там такое?

– Да, похоже, там правда Ева была... Эта, Лазарева.

– Где там?

– У Трутова. Малахов это понял, из головы совсем выскочило.

– Что выскочило?

– А то, что тебе майора присвоили.

– Мне?! – взбодрился Егор.

– А на меня пока не подписали...

– Подпишут!

– Одним приказом должны были... Ну да ладно, мне начальника, тебе майора... Поздравляю!

Макс пожал руку три раза, первый – за Малахова, второй – за всех, третий – за себя. Но звезды на погоны вешать рано. Во-первых, некуда: мундир в шкафу, а во-вторых, сначала проставиться нужно, обмыть, без этого никак.

Из машины Егор выходил в приподнятом настроении. И в более высоком статусе. Макс, конечно, еще тот фрукт, он мог и разыграть. Но есть вещи, с которыми не шутят, и Макс знал их наперечет. К тому же скорое повышение в звании им обещал сам генерал Соболев.

Завод охранялся по всем правилам, на проходной вооруженный чоповец, но он помочь им ничем не мог. Пришлось поднимать вахтера, седовласого мужчину с тяжелыми обвисшими щеками. Как будто липосакцию лица ему сделали, жирок откачали, а излишки кожи не срезали.

– Юрия Константиновича я знаю, путевочку обещал мне в санаторий оформить, – листая страницы на компьютере, проговорил мужчина.

– Убили Юрия Константиновича, – сказал Макс.

– Как это убили? – встрепенулся вахтер.

– Накрылась ваша путевочка, – развел руками Егор.

– Как это накрылась?

– Благодаря кому-то. Кого мы должны наказать.

– Да, наказать надо... – закивал мужчина. – Вот, восемнадцать двадцать две, время, когда Юрий Константинович прошел через вертушку.

– Один выходил?

– Один... Я еще хотел уточнить насчет путевочки в санаторий, вышел за ним, а он уже далеко был, в машину садился.

– Спешил куда-то?

– Да нет... Это скорее я долго думал... Достал я его своей путевочкой! – Вахтер задумался.

А действительно, как сильно он надоел председателю профкома?

– Значит, в машину садился?

– В машину. Она у него тут неподалеку стояла. Как бы начальство!

– Как бы?

– Для начальства у нас прямой проезд, и стоянка там своя. – Вахтер махнул рукой в сторону административного здания на территории комбината.

– А Юрий Константинович в этот список не входил?

– Ну, там у них были какие-то трения... – пожал плечами мужчина. И снова ушел в себя, глядя при этом на Егора.

А не слишком ли много он говорит?

– Какие-то трения, но все-таки начальство, и машину может у самой проходной ставить, так я понял?

– Да, там для него место выделено.

– Как выделено?

– Барьер парковочный имеется.

– А барьер кто поднимает?

– Он сам и поднимает. А я еще думаю, может, подойти, пока он поднимает. – Вахтер поскреб пальцами затылок.

– Не подошли?

– Да нет, думал, из машины к нему сейчас выйдут.

– Из какой машины?

– А когда Трутов садился в машину, там в дальнем ряду мужчина какой-то стоял, курил. Смотрю, Трутов в машину сел, и он тоже сел. Трутов поехал, и он поехал. Трутов остановился, и он остановился... Ну, не сразу, подъехал поближе, потом остановился.

– Трутов остановился, чтобы поднять блокиратор?

– Да. Остановился, поднял и уехал. И «Фольксваген» за ним.
– «Фольксваген»?
– Да, внедорожник. Пожилой такой, потертый, краска уже блеклая. Трещина в стекле.
– А номер?
– Да на номер как-то не глянул.
– Но машина показалась вам подозрительной?
– Да не показалась. Просто заметил ее, они же вместе тронулись. Да и сели, можно сказать, разом. Сначала Трутов, а потом этот... Может, из «Фольксвагена» следили за Трутовым?.. Он ведь не выбросил сигарету. – Вахтер в раздумье провел пальцами по щекам, снизу вверх, будто пытаясь поднять их, придать первозаданную форму.

– Мужчина из «Фольксвагена»?

– Он. Взял окурочек пальцами, как будто щелчком выбросить хотел, а потом как будто передумал. Вместе с окурком в машину сел.

– Как выглядел этот мужчина?

– Точно описать не могу. Далеко было, да и темнело уже, а фонари еще не включились. Ну, мордастый такой!.. – Вахтер приложил пальцы к щекам и резко, хотя и нешироко развел руки в стороны. И немного подумав, добавил: – Кепка была, очки... Куртка, кажется, кожаная. Плечи широкие.

– А видеокамеры у вас есть? – спросил Макс.

– Внутри есть, а снаружи... Все побили!

Егор кивнул. Волговодск – интересный город, местную криминальную мафию представлял некто Борщевик, крутая личность с пунктиком. Борщевик терпеть не мог видеокамеры, вел с ними беспощадную войну, его люди уничтожали их где только могли. Но это город, а фосфорным заводом владел Виталий Лазарев, не менее влиятельная личность, и камеры здесь ставила не муниципальная власть, а охранное предприятие «Стриж», начальник которого мог вызвать Борщевика на неприятный разговор.

– А внутри, говорите, есть?

– И снаружи тоже имеются, но там, где стоянка и выезд, нету.

– И когда побили?

– На днях, точно не скажу, когда именно, во время прошлой смены все работало.

– Ни одной камеры?

– Где-то разбили, где-то выжгли.

– Чем выжгли?

– Вроде как лазером, говорят.

Макс не торопился уходить, он раскручивал вахтера до последнего, но так и не смог выяснить у него номера «Фольксвагена» и более подробное описание мужчины. И камеры проверяли, действительно, не работала ни одна из тех, в обзор которой мог попасть подозрительный «Фольксваген». Но разбитые камеры лишь подтверждали версию о том, что за Трутовым следили. Причем следили не свои, а скорее всего чужие.

– С камерами просто беда, – усаживаясь в машину, сказал Макс.

– Борщевик вроде обещал не хулиганить, – пожал плечами Егор.

В городе они недавно, чуть больше месяца, но шороху навести успели. Борщевика за убийство Горбина прищучили, доказательств не хватило его прижать. И на убийстве Драбова Борщевика хорошо встряхнули. Малахов с ним не церемонится, Борщевик еще не пищит, но по ногам от него уже прячется.

– Ну, так здесь не хулиганство, здесь подготовка к убийству.

– Скорее подготовка к слежке.

– Да? – Макс в раздумье ткнул пальцем в щеку.

– Вот и я думаю: зачем ломать камеры? Слежку можно тайно организовать, так, чтобы никакой вахтер не заметил.

– Это точно.

– А камеры еще разбить надо. Сколько их там, четыре?

– Может, все-таки случайность? В смысле то, что камеры сломали, не связано со слежкой. Может, просто очередь до них дошла, может, Борщевик Лазареву какой-то сигнал посылает.

– Один сигнал не дошел, подали другой, Трутова убили, так думаешь? – предположил Егор.

– Так у Трутова трения какие-то с Лазаревым.

– Тогда, может, Лазарев Трутова убил?

– А камеры зачем ломать? Бей свои, чтобы чужие боялись?

– Ну да, камеры свои... Может, Трутова собирались прямо здесь убить? – Макс повел рукой в сторону проходной.

Он так заговорился, что даже двигатель забыл завести.

– Это было бы куда проще, чем убивать его в доме.

– Пожалуй.

– Одно ясно: за Трутовым следили. Возможно, те же самые люди, которые затем его и убили. Воспользовались моментом, пока ворота откатывались, подошли к дому, пока закрывались, проникли во двор.

– Машин совсем мало, – сказал Егор, окинув взглядом стоянку перед комбинатом.

Завод работал и ночью, но не в полную нагрузку, людей привлекалось меньше, чем днем, потому и парковка заполнена слабо.

– И что? – не понял Макс.

– А то, что в машинах регистраторы стоят. Может, «Фольксваген» в объектив одного из них и попал?

– Может, завтра займемся? – зевнул Макс.

– С ранья. И не мы... Ты начальник, у тебя подчиненные. Машин много, всех подключай!

– Есть, товарищ майор!.. Домой? – спросил Павлов, наконец-то тронув машину с места.

– Знаешь, я бы с Трутовой поговорил... – Егор уловил хоть и легкое, но все же волнение в своем же голосе.

Ну, красивая баба эта Трутова Альбина Сергеевна, но так она не одна такая. К тому же он женат, и что-то нет желания изменять Марине. Да и не сможет он подступиться к Альбине, он же не сволочь какая-то, чтобы окучивать свежеиспеченную вдову. Но поговорить он с ней хотел. И прямо сейчас. Тем более что даже легкое волнение смогло раскатать и разогнать сон.

– Может, мужу кто-то угрожал, чего-то от него хотел...

– Борщевик мог угрожать, – кивнул Макс. – Или кто-то из его стаи.

– Я спрашивал, она сказала, не знает.

– Так угрожал или не знает?

– В том-то и дело.

– Может, завтра? – Макс зевнул во весь рот, да так быстро, что не успел подставить кулак.

– Давай все-таки заедем. Все равно по пути.

К дому Трутова они подъехали без десяти два, следственно-оперативная группа уже закончила работу, тело увезли. Заслышав шум подъехавшей машины, Трутова открыла калитку, выглянула.

– А если бандиты? – спросил Стасов, закрывая за собой дверь. – А у вас калитка открыта!

– Какие бандиты? – Женщина настороженно смотрела на него.

Стасов ее пугал, но вместе с тем она и тянулась к нему. Как будто он мог защитить ее от опасности. А он мог.

– Ну, вы же не думаете, что вашего мужа убили эльфы?

– Гоблины. Моего мужа убили гоблины!
– Без разницы.
– Как это без разницы?
– Эльфы, гоблины, орки – профсоюз у них один и тот же.
– Почему профсоюз?
– Ваш муж возглавлял профком, вот я и подумал. Может быть, кто-то разобрался с ним в связи с работой по профсоюзной линии.

– Не знаю, – поежилась Трутова.

Теплый спортивный костюм на ней, поверх меховая жилетка, а все равно холодно.

– Я слышал, у вашего мужа были какие-то трения с Лазаревым, владельцем комбината.

– Не то чтобы трения. – Зубы Трутовой вдруг отстучали дробь.

– Вам холодно, может, в дом пройдем? – спросил Стасов.

– Нет!

– Почему нет? – удивленно повел он бровью.

– Не могу я там одна находиться... – Альбину Сергеевну натурально затрясло.

– А с вами никого нет?

– Мама только завтра подъедет.

– Мама подъедет, а от вас только ледышка останется, – совсем не весело улыбнулся Егор.

– У меня есть чем согреться! – заявила она.

– Кстати, вам это сейчас точно не помешает. – Он приложил палец к горлу.

– Да нет... В бане печка, огонь разведу... В баню пойду, а домой нет.

– Могу составить вам компанию. – Егор повел бровью, нехорошо удивляясь самому себе.

Надо же, сначала сказал, только потом подумал. Он собирался сказать, что имел в виду совсем другой смысл, ему просто нужно поговорить, прояснить некоторые моменты в интересах розыска и следствия, но Трутова как будто и не заметила аморальной подоплеки в его предложении. Более того, кивком указала в сторону гаража.

– Нужно прояснить кое-какие моменты, – все-таки сказал он.

– Калитку только закрою.

Пока Трутова отгораживалась от внешнего мира, Егор позвонил Максиму и отпустил его домой. Пусть едет, а он потом сам пешком доберется, идти не так уж и долго.

Баня находилась за домом, а вела к ней дорожка, сворачивающая за угол гаражного блока. Серьезная такая банька, полутораэтажная, в едином стиле с домом. В трапезной печь-камин, огонь в которой обогревал помещение, а заодно раскалял камни в парилке. Огонь еще следовало развести.

Егор обратил внимание на то, что Трутова зашла в баню, не отпирая дверь. Она оказалась не заперта. Может, следовательно попросил отпереть дверь?

Дрова находились в предбаннике, сухие, березовые. Альбина Сергеевна ловко уложила их шалашиком, брызнула на них розжигом и смело поднесла спичку. Егор осмотрел помещение, вроде порядок здесь, следов трапезы не видно, посуда на местах, бутылки в барном шкафу, как солдаты в ровном ряду. Видно, Трутов не приводил сюда посторонних, во всяком случае сегодня. А мог бы и привести. Женщину. И сегодня.

Егор звонил Малахову, говорил, куда и зачем собрался. И начальник внес важное уточнение. Оказывается, в районе двадцати ноль-ноль Трутов привез в дом женщину. Кого, Малахов не уточнил, но Стасов догадывался. Уж очень разволновался Малахов, когда увидел кулон, сфотографированный Максимом...

– А следовательно здесь был? – спросил Егор, осматривая дверцы барного шкафа.

Не видно следов дактилоскопического порошка на стекле, очевидно, не работали здесь эксперты. Впрочем, что здесь можно найти? Что здесь интересного для преступников?

– Ну так, зашел, посмотрел, – глядя, как разгорается огонь, сообщила Альбина. – Ничего не сказал.

– Вы открыли ему дверь?

– Да нет, дверь была открыта.

– Она всегда у вас открыта? – спросил Егор.

– Когда как... А что?

– Нет, ничего.

– Вас интересует, как Юра жил здесь без меня?

– Если честно, меня интересует все.

Егор отодвинул кресло подальше от стола, собираясь сесть.

– Он не был бабником.

– Очень хорошо.

– И меня очень любил!

– Не сомневаюсь! – Егор сел, устраиваясь поудобнее.

Он всем видом давал понять, что готов слушать долго и внимательно. При этом он краем глаза держал под наблюдением входную дверь. Мало ли, вдруг убийцы решат вернуться на место преступления.

– Но все возможно. Мужчина – животное полигамное.

Стасов недоуменно повел бровью.

– В хорошем смысле.

– Ну, если в хорошем, – усмехнулся он.

– А если там было что-то плохое, давайте выкладываете, я готова ко всему... Да и чего уже бояться?

Трутова подошла к шкафу, взяла бутылку виски, стакан, плеснула себе и, не предлагая Егору, выпила.

– А что выкладывать?

– Начальник ваш подъезжал, про Еву Лазареву спрашивал. Это же ее кулон?

– Ну-у... Вообще-то, я заводом занимался. На котором работал ваш муж. Кто-то следил за ним. От самого завода... Может, у вас есть знакомые, которые ездят на темно-сером «Фольксвагене Туарег»? Машина неновая, возможно черного цвета.

Егор чуть заметно усмехнулся. Это вахтер предположил, что от старости черный цвет мог перейти в темно-серый.

– Есть знакомые, – кивнула Трутова. – Но машина новая. Ну, почти...

– Кто, если не секрет?

– Так была здесь Ева? – сквозь зубы спросила Трутова.

– Я же говорю, не знаю. Но если начальник спрашивал о ней...

– Сука! – едва слышно, но с чувством выплеснула Альбина Сергеевна.

Как это ни странно, злость прибавила ей очарования, во всяком случае внешнего. Егор невольно залюбовался женщиной. Ей немного за тридцать, не очень молодая, но выглядела она просто здорово.

– Ева чем-то угрожала вашему мужу?

– Чем-то?.. Собой угрожала! Все в постель к нему набивалась. Потаскуха!

– И что?

– Вы ее видели, эту Еву Лазареву?

– Ну, не скажу, что она выглядит лучше вас, но в целом...

Ева действительно могла очаровать кого угодно, неудивительно, если Малахов влюбился в нее. Но ему можно. Малахову сейчас просто необходимо лекарство. От Стеллы, жизнь которой оборвала пуля. Можно сказать, бандитская.

– Я не знаю, что у них тут было!

Альбина не отреагировала на скрытый комплимент, но в этот раз налила и Егору.

– А вы хотите сказать, что это Лазарева набивалась в постель к вашему мужу?

– Набивалась!

– А ваш муж сопротивлялся?

– Какое-то время точно.

– Может, он и сегодня сопротивлялся? – задумался Егор.

Что, если Ева, избалованная вседозволенностью, попыталась навязать Трутову секс силой? И кулон он мог сорвать, отталкивая ее. Может, он и отбил ее домогательства, но Ева ввела в бой тяжелую артиллерию. Ее люди вполне могли забить Трутова до смерти.

– Может, и сопротивлялся! – кивнула Трутова.

– А Ева могла быть не одна.

– Ну, с братьями вряд ли... Но кто-то мог с нею быть.

Стасов тихонько цокнул языком. А что, если Ева была со своими братьями?

– Могли с нею быть люди братьев?

– Братьев?..

– Тем более что у вашего мужа какой-то конфликт с Виталием Лазаревым. – Егор попытался вернуть разговор к отправной точке.

– Ну, не то чтобы конфликт... Вернее, конфликт, но дело не в муже.

– А в ком?

– Не знаю, известно ли вам, как на моего мужа влияет Борщевик...

– Известно. Через вашего мужа угрожает Лазареву забастовкой.

– Известно... А мой муж всего лишь пешка... Виталий Алексеевич, конечно, может расправиться с ним, а толку? На место моего мужа придет другой... – Трутова вдруг замолчала, осознав, что ее предположение уже сбылось.

Все, нет больше Трутова Юрия Константиновича, и на его месте уже точно будет кто-то другой. И уже завтра.

– Может, чайку?

Егор поднялся, взял бутылку и, не забирая из ее руки стакан, налил. Трутова кивнула, выпила и вдруг стала садиться, а под ней нет ни стула, ни табуретки. Егор вырвал кресло из-за стола, развернул его на девяносто градусов, подставляя под мягкую точку опоры. Посадка, что называется, прошла успешно.

– Это все Ева! – Трутова подняла руку и посмотрела на свой пустой бокал.

Егор показал на бутылку, но женщина мотнула головой. Поставила стакан на стол – вверх дном.

– Нет, у меня завтра столько дел, – сказала она и снова ушла в себя.

Дрова горели с треском, Егор подкинул в топку. И занялся приготовлением чая. А в трапезной имелся и чайник, и заварка, и сахар. Кружки, стаканы, чай, виски... Отлично Трутов устроился. Видно, неплохо он со своего профсоюза имел. Лазаревы вроде как платили Борщевнику за спокойствие в рабочей среде, видимо, и председателю профкома перепадало.

– А мы сегодня с вахтером беседовали, – заговорил Егор как будто о чем-то несущественном, на праздную тему. – Ваш муж путевочку ему в санаторий обещал.

– «Волговодск», – глядя куда-то в пустоту, кивнула Трутова.

– Ну да, из Волговодска.

– В Астрахань. Санаторий там находится. Санаторий «Волговодск».

– Астрахань? – вспомнив, откуда приехала Трутова, задумался Егор.

– Астрахань, – встрепенулась женщина, она смотрела на него настороженно, осмысленным взглядом.

– А вы откуда приехали?

– Ну да, я работаю там, – со скрипом, как будто признаваясь в чем-то нехорошем, сказала она.

– В санатории?

– Да.

– Кем?

– Э-э... Финансовым директором.

– Бухгалтерия, финансовые потоки.

– Финансовые потоки, – кивнула Трутова.

– Профсоюзный санаторий.

– Профсоюзный. – Женщина почему-то отвела в сторону глаза.

Как до этого отводила в сторону разговор, переключая его на Еву Лазареву. Может, она действительно подозревала свою соперницу в сердечных делах, но как же она не хочет говорить о санатории. Случайно проболталась, спохватилась, теперь вот ее снова стало знобить. Она поехала.

– Разберемся, – сказал он.

– В чем разберетесь? – Трутова нервно глянула на Егора.

– Во всем будем разбираться. Во всем, что окружает... окружало вашего мужа...

– Я понимаю.

– Вы, Альбина Сергеевна, также окружали его.

Действительно, а вдруг у Трутовой есть любовник? В Астрахани. Возможно, влиятельный любовник. Женщина она интересная, но несвободная, что, если кто-то считает это недоумением, которое нужно исправить? Вернее, уже исправили.

– И что?

– Пока ничего.

– Пока?

– Всему свое время.

– Копать будете?

– Работа такая.

– Уже копаете?

– Пока только отвлекаю. От страшных мыслей. Вам сейчас тяжело, а ночь такая длинная.

Страшная. И одинокая, – вздохнул Егор.

– Страшная. И одинокая, – заворуженно глядя на Егора, кивнула Трутова.

Заворуженно глянула, но неусмирено. Не верила она в великодушие, выгоду видела, служебный интерес. Но ведь Егор действительно хотел помочь ей, согреть своим участием, защитить от непрошенных гостей. Помимо прочего хотел.

– А утром начнем копать, узнаем, что там за санаторий, с чем его едят.

– Узнаете. – Трутова тяжело вздохнула и уронила голову на грудь.

– Может, вы сами все расскажете?

– А что рассказывать, все всё знают. Лазарев знает, и Борщевик знает.

– Что они знают?

– А то, что санаторий не совсем законно приватизирован.

– Не совсем – это как?

– А так, что, если Лазарев подаст в суд, он отсудит санаторий в собственность завода.

– Почему не подает?

– А потому, что за санаторием стоит Борщевик. А Виталий Алексеевич с ним связываться... ну, не то чтобы боится... Ну, может, и боится, – пожал плечами Альбина Сергеевна.

– А кому принадлежит санаторий?

– Частично комбинату... – Трутова снова тяжело вздохнула. – Частично Юре... Мужу моему...

– Частично – это сколько?

– Было сорок, потом Юра взял кредит, вложился в санаторий... Я бы сказала, вложился в руины, размыл и сдвинул доли... В общем, сейчас нам принадлежит контрольный пакет.

– Нам – это вам с мужем?

– В общем, да...

– В равных долях или весь пакет принадлежит кому-то одному? – спросил Егор.

– Кому-то одному... Я знаю, о чем вы думаете, – грустно, с укором глянула на Егора Трутова. – Муж погиб, жена унаследовала его состояние. Может, она и заказала своего мужа?

– Это исключено?

– Исключено!.. Во-первых, я любила Юру. И люблю... А во-вторых, пакет акций принадлежит офшорной компании, которая разбита на несколько дочек... В общем, там сложная схема владения. Очень сложная, но в то же время очень простая. И доступ к этой системе имеем только я и Юра. Его смерть ничего не меняет, я и раньше имела ключи от санатория, и сейчас имею.

– Да, но сейчас эти ключи имеете только вы.

– А к ним проблемы на всю голову! Юру же не просто так убили, он должен Борщевнику крупную сумму денег. Юра все тянул, отдавал по частям, а Борщевнику нужно все. Он хотел, чтобы Юра продал ему санаторий за копейки!

– А предложение уже поступало?

– Да, был разговор.

– Кто конкретно вымогает у вас деньги?

– Почему вымогает?.. Ну да, там не совсем все было честно. Юра брал кредит и в банке, и у Борщевика. У Борщевика, само собой, под особые проценты. Он собирался расплатиться по этому кредиту в первую очередь, но возникли проблемы, включился счетчик. Мы поднажали, выплатили все со всеми процентами, было все нормально. А потом вдруг выяснилось, что проблемы возникли у Борщевика. Он сказал, что продал наш долг одному человеку, сразу выкупить его не смог... То есть деньги взял, а долг обратно не выкупил. А когда наконец пришло время, человек потребовал в два раза большую сумму. Юра сказал, что не надо было продавать долг, а Купон только посмеялся. Не надо было, сказал, задерживать выплаты, создавать кредитные риски... А потом Купон сказал, что кредит они все-таки выкупили обратно и теперь Юра торчит им, как земля колхозу. Хотя на самом деле кредит никто никому не продавал, обычный развод... Я бы сказала, на лоха. Но был развод на кабанчика... Откормили Юру, пришла пора резать. И ведь зарезали! – Трутова сжала ладонями виски, а затем закрыла ими лицо.

– Кто такой Купон? – спросил Егор.

Но женщина мотнула головой, выплакаться ей надо, а потом она ответит на вопрос. А может, ей требовалось время, чтобы обдумать ситуацию. Чтобы не завратся.

– Кумпан его фамилия, – наконец сказала она. – Кумпан Дмитрий Павлович. Кличка Купон. Не знаю, почему Купон. Может, потому, что финансами занимается бандитскими. Официально он возглавляет ООО «Быстрый кредит»... И зачем только Юра туда влез?

– Зачем?

– А как не влезть? Если Борщевик его за... за все места держит? Держал.

– Борщевик или Купон?

– А какая разница? Два сапога пара!

– Сапоги – это если на ногу можно натянуть. Купона мы, может, и натянем. За мошенничество. А Борщевика... Он сам лично вымогал у вас деньги?

– Лично нет... И на ногу вы его не натянете... А Купона... Я вам ничего не говорила! – мотнула головой Трутова, встревоженно глядя на Егора. – И ничего он у нас не вымогал!.. Он же меня убьет, понимаете!

– Он вас и без того убьет, если вы не продадите санаторий.

– А я продам!

– Продадите?

– А сколько можно дрожать от страха? То Лазарев может через суд отобрать, то Купон за бесценку купить... Уж лучше второе! Там хоть какие-то деньги! Продать все и уехать отсюда к чертовой матери! Туда, где нормальные законы! Туда, где никто никому не мешает честно жить!..

– Честно жить и у нас не мешают, – усмехнулся Егор.

Трутов сам нажил себе врагов. Своей «не совсем законной» приватизацией. Своей не совсем честной жизнью. Он стал разменной монетой в игре между Борщевиком и старшим братом Лазаревым, а затем и вовсе перешел в разряд кабанчика на убой. Не захотел он отдавать Борщевнику свой санаторий, бандиты с ним церемониться не стали, убили, повесив его долг на жену. И это даже хорошо, что вдова Трутова не собирается бороться за свою не совсем законную собственность, целее будет. Но в любом случае убийц нужно искать и брать за жабры. И зацепка уже есть. Если, конечно, Трутова не соврала.

Глава 4

Макс вернулся домой в третьем часу, Стасов – под утро. Один проснулся раньше всех и сразу же куда-то умчался, Егор тем временем продолжал спать. Малахов не стал его будить, позавтракал и вместе с майором Штановым отправился в отдел. И уже там, после развода суточного наряда, пригласил в свой кабинет Павлова и Стасова.

А ведь мог провести утреннее совещание дома. В новый город они приехали все вместе, жили, можно сказать, одной коммуной. Сняли двухэтажный дом, Люба, жена майора Штанова, на хозяйстве, без нее как без рук. А иногда как без головы. Сколько боевых заслуг на ее счету...

А вот у Евы счет открыт на другой половине листа, не там, где «плюс», а где «минус». И вчера она снова отличилась... Но так и Стелла была такой же токсичной штучкой, как Ева. Сколько раз Артем отказывался от нее, но в конце концов сделал ей предложение. Увел из-под венца, увез к себе, но сберечь не смог. Нет больше Стеллы... Зато теперь у него есть Ева, и за что ему такое наказание?

– Пока ничего! – развел руками Макс. – Но как только, так сразу!

Артем кивнул, глядя на него. Смог Павлов организовать работу, собрал всех, кого только мог, одну часть личного состава отправил к воротам комбината, нацелив на видеорегистраторы, а другая работает на улице Волжской – ищут орудия убийства, каминный совок и кочергу. Старается парен, и обиду, если она есть, держит при себе. А обидеться он мог. На Стасова приказ подписали, а на Павлова пока нет. Соболев сказал, заминка какая-то вышла, на одного документы представили, а на другого где-то затерялись. Но вроде как уже нашлись. В ближайшее время приказ подпишут. А если нет?..

– Как только, так сразу, – кивнул Малахов и вопросительно посмотрела на Стасова.

– А у меня чего! – усмехнулся тот. – Если это не деза.

Малахов вопросительно повел бровью:

– Трутова на Лазареву валить стала. Типа Ева мужу проходу не давала...

Артем кивнул. Заезжал он вчера на Волжскую после общения с Евой, задавал Трутовой вопрос на неловкую для себя тему. Ушла информация о Еве, оперативники уже в курсе. Ну так по-другому и быть не могло.

– Я ее на Борщевика навожу, а она все на Еву валит, – продолжал Стасов. – Пока я про санаторий не сказал. Тогда и выяснилось, что Трутову принадлежит профсоюзный санаторий в Астрахани. Принадлежит не совсем законно в том смысле, что Лазарев может предъявить права на бывшую заводскую собственность. Но не предъявляет, пока у Трутова крыша в лице Борщевика.

– То есть санаторий этот – яблоко раздора между Лазаревым и Борщевиком? – уточняя, спросил Малахов.

– Дело не только в этом, дело в том, что Трутов задолжал Борщевнику крупную сумму, бандиты требуют санаторий в счет долга, Трутов отказывался... Отказывался, отказывался, пока не оказался в морге.

– А почему деза?

– Ну, говорю же, Альбина эта Трутова – мутная штучка. Не хотела говорить правду, на Еву все валила. Бойтся, что мы этот санаторий раскрутим, в смысле историю приватизации. Следствие подключим, суд, тогда она совсем без ничего останется. А бесценок – это как минимум миллион. Долларов, евро. Чистого дохода.

– Зачем ей врать?

– Не знаю. Может, там какая-то другая история.

– Например?

– Может, она в отношениях... нет, не с Борщевиком. Санаторий с Трутова некто Купон требовал. Кумпан Дмитрий Павлович. Директор общества с очень ограниченной ответственностью «Быстрый кредит». Трутов брал у него кредит, отдать не смог, в общем, там целая история. А может, и не было ничего. Или что-то было, но не то... Может, Трутова наврала. Может, она в отношениях с Купоном. Или еще с кем-то... А может, даже с Борщевиком. Он мужик неженатый, а Трутова еще в самом соку...

– Она-то в соку, – кивнул Малахов. – Но если она в отношениях с Купоном, зачем ей оговаривать его?

– Так она заранее отказалась от показаний. И Трутов уже не сможет написать заявление.

– Ну, может, и Купон, – пожал плечами Малахов.

– А может, и Лазарев, – взял слово Павлов.

– В отношениях с Трутовой? – повел бровью Стасов.

– В отношениях с Борщевиком... Борщевик ему как нож в горло. И Борщевик это знает. Потому он и подумал тогда, что Горбин собирался его подставить. Когда жену Козоева убили...

– Давай короче, – поморщился Артем.

Жена Козоева, Даша, приходилась Еве одноклассницей. Тимур Козоев растрепал перед их общими друзьями, что спал с Евой, Даша узнала об этом, вспыхнула ссора, причем с летальным исходом. Но под подозрение попал Горбин, который шел убивать Козоева и наткнулся на труп его жены. А с Дашей целая история. На ее квартиру в свое время претендовал человек Борщевика, возникла версия, что ее убили бандиты. Борщевик вышел на Горбина и узнал, что этот человек имел отношение к братьям Лазаревым. Борщевик решил, что Лазаревы хотят его подставить, именно поэтому Горбина похитили. А затем и убили...

– А что, если Лазарев действительно собирался подставить Борщевика?

– Тогда?

– И сейчас!.. Трутов – человек Борщевика, мы это выяснили и уже копаем под бандитов.

– А почему мы начали подозревать Борщевика? Борщевик Трутову не друг, но и не враг, – сказал Малахов. – А Виталий Лазарев точно враг. Но мы почему-то ищем бандитов Борщевика.

– Зачем почему-то? – качнул головой Стасов. – Есть информация, Борщовников требует с Трутова кучу денег, предлагает расплатиться санаторием. То, что информация нуждается в проверке, это уже другое...

– Информацию эту ты получил уже после того, как узнали о людях, которые следили за Трутовым. Почему мы решили, что они бандиты Борщевика?

– Ну так а кто камеры у стоянки разбил? Только Борщевик и мог это сделать... Ну, может, случайно, – пожал плечами Стасов.

– Может, и случайно, а может, и нарочно. И не Борщевик разбил, а Лазарев, чтобы мы думали на Борщевика.

– Мы на него и думаем, – кивнул Павлов.

– И Трутова нам подыграла... Сама того не ведая. А может, и нарочно... – Егор в раздумье пощипывал мочку уха. – Но в то же время зачем ей оговаривать Борщевика? С нее ведь и спросить могут.

– Лазарев мог знать, что Трутов торчит Борщевика кучу денег, что с него требуют расчет, – так же вслух стал размышлять Павлов. – Ну и натравил на Борщевика собак... То есть нас.

– А может, Лазарев и не собирался никого подставлять. И о долгах Трутова не знал, – предположил Малахов. – А если знал, то решил действовать на опережение. Пока Трутов не отдал санаторий Борщевика. Трутова убивают, мы выходим на санаторий, поднимаем историю его приватизации, выносим это дело на суд общественности, подключается прокуратура, суд признает приватизацию незаконной, и санаторий торжественно возвращают заводу.

– Пока суд да дело, жена Трутова сто раз продаст санаторий, – предположил Павлов.

– Значит, суд нужно подключать уже сейчас, и следует наложить арест на сделки с активами санатория.

– Зачем Лазареву убивать Трутова? – спросил Стасов. – Он может отсудить санаторий и без убийства.

– Не сможет, – качнул головой Павлов. – Если не подставит Борщевика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.